

М. Е. Салтыков-Щедрин

Для детей

Собрание сочинений выходит под общей редакцией С. А. Макашина и К. И. Тюнькина
Библиотека "Огонек"

Собрание сочинений в десяти томах

Том третий

М., "Правда", 1988

OCR - М.Н. Бычков, вычитка - Александр Македонски, февраль 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Годовщина

Добрая душа

Испорченные дети

ГОДОВЩИНА

Сегодня мне сорок лет. Помню, ровно двадцать лет тому назад я, точно так же, как и теперь, сидел дома -- и вдруг кто-то позвонился в мою квартиру.

-- Пожалуйста, ваше благородие! лошади готовы! -- сказал, входя, унтер-офицер.

-- Что такое? куда? зачем?

Он назвал мне одну из далеких северных трущоб, о которой никак нельзя было сказать, чтобы там росли апельсины.

Мне очень не хотелось ехать, но я поехал. Дети! когда вы умудритесь, то примете, что иногда слово "не хочу" совершенно естественно превращается в "хочу" и что человек, существо разумно-свободное, есть в то же время и существо, наиболее способное совершать такие движения, которые совершенно противоположны самым близким его интересам.

В то время я был очень добронравный, скромный и безобидный молодой человек. Я мечтал о "счастьи", но не повторял вместе с Баратынским:

"О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я..."

-- а был счастлив действительно. В том полуфантастическом, но прекрасном и светлом мире, в котором я жил, не было ни станowych, ни квартальных, ни исправников, ни даже губернаторов. То есть не было именно тех станций, на которых слишком рассказавшееся "счастье" обязано останавливаться и поверять себя, действительно ли оно "счастье", а не посягательство, не безумие и не злоумышление. Впоследствии опытные люди удостоверили меня, что идея о "счастии" может по временам оказываться равносильною злодейству, но тогда я ничего этого не понимал. Сказанные выше станции казались мне какими-то туманными точками, при встрече с которыми внимание мое скользило, как будто бы их совсем и не было. Я помню: я уже был тогда на службе и даже писал бумаги, но впечатление, которое оставило во мне это писание, было чисто механическое, или, лучше сказать, меня занимало не содержание бумаг, а те неведомые мне, полуфантастические личности, к которым они были адресованы. Живо представляется мне некоторый Григорий Козмич, которого фигура, как живая, стояла всегда перед моими глазами, фигура маленькая, с армянским типом, с длинным, согнутым крючком носом, с очками на глазах (в то время я его и в глаза не видал, но впоследствии, когда мне на него указали, он действительно оказался точь-в-точь таким, каким рисовало его мое воображение)...

Милостивый Государь
Григорий Козмич!